

А.В. Амфитеатров

Святочная книжка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Святочная книжка / А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требованию, 2014. –
212 с.

ISBN 978-5-458-14178-9

ISBN 978-5-458-14178-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА

Характеръ этой „Святочной Книжки" — случайный и сборный. Легенда о св. Христофорѣ записана лично мною въ Амальфи; приключенія двухъ сестеръ въ подземномъ Римѣ рассказаны мнѣ монахомъ - проводникомъ при катакомбахъ св. Каллиста; о Мурадѣ-разбойникѣ и по сейчасъ имѣется дѣло въ Эриванской судебной палатѣ. Изъ остальныхъ статей, — „Фламандскія легенды" и „Средневѣковыя Тѣни" обработаны мною по рѣдкому сборнику Берту; „Крестъ въ Галліи" — сокращеніе длинной католической повѣсти Делакура, а статья „Ноэль" — такое же сокращеніе талантливой, но болтливой работы Амедея де-Понтъе, который въ шестидесятихъ годахъ издалъ монографію, весело и красиво рассказавшую французскому юношеству исторію и преданія національныхъ праздниковъ церковнаго года. Изслѣдованіе „*Dies Natalis Solis Invicti*", Рождество Непобѣдимаго Солнца, представляетъ собою главу изъ большого моего труда „Призраки Язычества". Отрывки изъ него я печаталъ въ „СПБ. Вѣдомостяхъ" подъ разными заголовками, а, года черезъ два, надѣюсь выпустить трудъ этотъ полностью въ отдѣльномъ изданіи. Я счелъ излишнимъ въ настоящемъ изданіи „для легкаго чтенія" обременять статью ссылками и примѣчаніями. Скажу лишь, что, помимо прямыхъ источниковъ, ближайшими пособіями мнѣ въ ней служили: Preller. *Römische Mythologie*. — Boissier. *La Religion romaine d' Auguste aux Antonins*. — Reville. *La religion a Rome sous les Severes*. — Робертсонъ, Виндишманъ, Фрикенъ и др. Рассказъ „Сыщикъ" былъ изданъ ранѣе, въ приспособленіи для народа, извѣстною фирмою „Посредникъ", нынѣ, къ сожалѣнію, прекратившею свою дѣятельность, и, въ томъ же видѣ, былъ перепечатанъ въ сборникъ моемъ „Сонъ и Явь". Здѣсь я помѣщаю его въ первона-

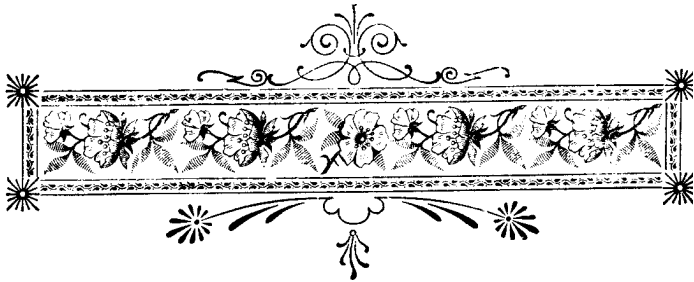
Александръ Амфитеатровъ

Отъ автора

чальной редакціи, какъ появился онъ когда-то въ тиф-
лисскомъ „Новомъ Обозрѣніи" Н.Я. Николадзе. „Врагъ"
— этюдъ къ фантастическому роману „Жаръ-Цвѣтъ",
печатавшемуся въ „Сѣверѣ".

Александръ Амфитеатровъ.

СПБ. 15 Ноября 1901 года.

І БОГАТЫРЬ ХРИСТОФОРЪ (АМАЛЬФИТАНСКАЯ ЛЕГЕНДА)

Когда Христофоръ явился на свѣтъ, онъ очень удивилъ собою и родителей своихъ, и повивальную бабку, и всѣхъ сосѣдей: никогда, еще не было видано такого огромнаго мальчика. Да и обжора-же онъ вышелъ! Материнскаго молока не хватало ему и на одну покормку. За день, онъ высасывалъ трехъ лучшихъ козь деревни — до чиста! — и того было ему мало, и онъ ревѣлъ въ своей колыбели, ревѣлъ по цѣлымъ ночамъ о мучившемъ его голодѣ, да еще какимъ густымъ басомъ!

Родители Христофора были люди бѣдные.

— Обѣсть насъ этотъ мальчишка! — ужасался отецъ. А мать вторила:

— Къ тому же онъ безобразно быстро растетъ. Чего будетъ намъ стоить — одѣть и обуть его!..

Уже на первомъ мѣсяцѣ, Христофоръ, неловко потянувшись, разломалъ свою люльку. Пеленать его было одно горе: пошевелить плечами, и всѣ шурки и тесемки пополамъ.

Почему его назвали Христофоромъ? А вотъ почему. Деревня, гдѣ онъ родился, была языческая, и отецъ Христофора былъ язычникъ, притомъ не изъ мудрыхъ. Вотъ языческія дѣти назывались отъ земныхъ предметовъ

— отъ камней, птицъ, звѣрей, насѣкомыхъ, растений. Но для Христофора отецъ этого не захотѣлъ.

— Такому необыкновенному малому нужно необыкновенное имя. — сказалъ онъ.

Вотъ сидитъ онъ на порогѣ своей хижины и раздумываетъ, какъ назвать сына. Въ это время деревнею проходилъ чужой человѣкъ — пѣшій путешественникъ. Язычнику вспало на умъ посоветоваться съ прохожимъ:

— Какъ онъ скажетъ, такъ и назову. Вѣдь случайныя-то имена — самыя счастливыя.

Прохожій — былъ онъ высокъ и прямъ, глаза свѣтились, какъ звѣзды, борода двоилась отъ строго сложенныхъ устъ, и на-двое расчесанные волосы падали на плечи — сказалъ язычнику:

— Назови сына Христофоромъ.

— Вотъ такъ имя! Я никогда не слыхалъ его. Что оно означаетъ?

Прохожій возразилъ:

— Ты скоро самъ поймешь его и предпочтешь всѣмъ другимъ.

— А какъ скоро?

— Когда въ этомъ краѣ свѣтъ замѣнитъ тьму.

Прохожій удалился, а язычникъ долго ломалъ голову надъ его загадкою.

— Какая же у насъ тьма? Развѣ есть край свѣтлѣ нашего? солнце теплѣ? небо ярче? море синѣ?

Такъ мальчикъ и сталъ Христофоромъ. Трудно было съ нимъ отцу-матери. Онъ выросъ такъ великъ, толстъ и силенъ, что пришлось выселить его изъ хижины подъ открытое небо. А то — хоть плачь: выпрямится, — и прошибетъ головою потолокъ; упрется рукою въ стѣну, — и отвалитъ цѣлый уголь.

Отдали Христофора въ ремесло — къ каменщику, мостить дорогу. И тутъ не годился! Что ни хватить молотомъ, то и молотъ въ дребезги, и камень въ порошокъ.

— Ты, Христофоръ, сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, — говорили ему товарищи. Онъ возражалъ:

— Этого не можетъ быть.

— Почему?

— Потому, что я очень простъ умомъ и, кто умнѣе меня, тотъ меня и сильнѣе. Но — ахъ, братцы! — если бы я зналъ, кто всѣхъ сильнѣе на свѣтѣ! Сейчасъ-бы поступилъ къ нему подъ начало — служить ему вѣрою и правдою до самой смерти.

Христофора всѣ очень любили, потому что добръ онъ былъ выше всякой мѣры. Но, по своей огромности и силѣ, онъ никакъ не могъ, чтобы не обидѣть кого-нибудь ненарокомъ, и не мало калѣкъ развелось, по его милости, между его сверстниками. При всей пріязни къ Христофору, сосѣди начали понукать его родителей:

— Надо сбить куда-нибудь вашего великана. Онъ всѣхъ насъ тутъ переуродуетъ.

Впрочемъ, иной разъ Христофоръ приносилъ своимъ землякамъ и пользу, — тоже больше ненарокомъ. Пошли ребятишки на берегъ — швырять камушки въ море. И Христофоръ за ними. Понравилось ему, какъ камешки прыгаютъ съ волны на волну.

— Дай-ка, и я попробую!

Схватилъ каменную скалу, да-какъ махнеть! Скала бухнула въ море за пять миль и — надо же быть такому счастью! — прямо на корабль морскаго разбойника Хайредина Барбароссы, который плыль, чтобы ограбить и полонить деревню Христофора.

Пираты канули ко дну. Выручила своихъ Христофорова сила¹. Однажды Христофоръ спалъ на берегу,

¹ Обычный анахронизмъ легендъ Неаполитанскаго края. Хайрединъ Барбаросса нагналъ на средневѣковую Италію такого страха, что на Неаполитанскомъ и Салернскомъ побережьи имя его какъ имя полумифическаго злобнаго существа — вплетается въ легенды самыхъ разнообразныхъ эпохъ, начиная чуть не съ Тиверія и кончая чуть не Наполеономъ.

зарывшись въ согрѣтый солнцемъ морской песокъ. Вдругъ — кто-то толкъ его посохомъ. Проснулся онъ, видитъ: стоитъ надъ нимъ странникъ. высокъ и прямъ, глаза — какъ звѣзды, раздвоенная борода. на-двое расчесанные волосы.

— Что-же, другъ Христофоръ? — говорить странникъ. — Такъ-то, пожалуй, и нехорошо.

— Что нехорошо? — спросилъ Христофоръ, зѣвая.

— Да вотъ — что ты лежишь на боку и ничего не дѣлаешь.

— А что я буду дѣлать, когда ничего не умѣю? Кабы мнѣ кто приказалъ что, я радъ слушаться. А самъ ни на что не гораздъ.

— Когда-то ты, Христофоръ, сказалъ, что хотѣлъ бы служить тому, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

— Я и теперь хочу. Но гдѣ взять его, этого сильнаго?

— Разумѣется, лежа на боку, взять не откуда. А ты не лѣньнись — ищи и найдешь.

Ушелъ странникъ. Христофоръ же размыслилъ:

— Невѣдомый человѣкъ этотъ научилъ меня умно. Неужели только и свѣта въ окнѣ, что нашъ уголокъ между горами и моремъ? Пойду-ка я — взгляну, какъ живутъ люди въ другихъ земляхъ.

И онъ сказалъ отцу и матери своимъ толстымъ голосомъ:

— Батюшка и матушка! Довольно я опивалъ и объѣдалъ васъ. Сослужите мнѣ послѣднюю службу: сшейте мнѣ хорошее платье и крѣпкіе сапоги, припасите желѣза, чтобы могъ я сковать себѣ острый мечъ, и благословите меня въ далекій путь. Я пойду искать того, кто сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Долго бродилъ Христофоръ по землѣ и, — какъ ноги у него были шагистыя, — забрелъ ужасно далеко: въ индѣйское царство.

Индѣйскій царь очень обрадовался, что пришелъ въ его столицу такой бравый великанъ.

— Я, говоритъ, какъ разъ тотъ самый человекъ, кого ты ищешь. Поступай ко мнѣ тѣлохранителемъ.

Христофоръ на это отвѣтилъ:

— Оно бы можно, да точно ли ты сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ?

Индѣйскій царь даже разсмѣлся.

— Кто же сильнѣе меня? Мои владѣнія лежатъ отъ моря до моря, на востокъ и западъ земли. Въ войскѣ у меня миллионъ копій. Когда мои лучники пускаютъ на вражью силу стрѣлы, то воздухъ меркнетъ, какъ подъ тучею. Хочешь заглянуть въ мои тюрьмы? Увидишь, сколько плѣнныхъ королей и принцевъ сидятъ въ нихъ на золотыхъ цѣпяхъ. А съ такимъ богатыремъ, какъ ты, я и весь свѣтъ завоюю, и всѣхъ другихъ владыкъ разсажу по тюрьмамъ.

— Ладно, согласился Христофоръ. — коли ты такой могучій, приказывай: буду слушаться.

Служить онъ у индѣйскаго царя и все воюетъ. Столько царствъ покорилъ, что для плѣнныхъ королей уже не хватило золотыхъ цѣпей. Стали ихъ ковать въ серебряныя, а потомъ и въ мѣдныя. Но однажды приказалъ индѣйскій царь Христофору идти воевать китайскаго царя. Христофоръ ушелъ. Тѣмъ временемъ, стакнулись между собою царь персидскій, царь армянскій, да царь эѳіопскій, нагрянули въ индѣйскую столицу и въ пухъ расколотили индѣйскаго царя... едва подоспѣлъ Христофоръ его выручить.

— Что-жь ты оплошалъ? — сказалъ онъ индѣйскому царю. Хвасталъ, что сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а тутъ и трусу отпраздновалъ? Скверно, братъ: неправдою живешь. Надулъ ты меня. Служа тебѣ, я понапрасну потерялъ трудъ и время. Прощай, не поминай лихомъ, а я пойду искать себѣ, другаго господина.

Шагаетъ Христофоръ по пустынь. На встрѣчу ему дьяволь.

— Здорово, богатырь! Что? все ищешь, кто сильнѣ всѣхъ на свѣтѣ? Нечего тебѣ далеко ходить: я какъ разъ тотъ, кто тебѣ надобенъ.

Христофоръ усомнился.

— Можетъ, хвастаешь? Похвалялся мнѣ тоже одинъ такой-то и обманулъ: только и былъ силенъ, покуда я помогаль ему, а, чуть я оставилъ его одного, сейчасъ и вздули его три царя — персидскій, эіопскій и армянскій.

— Нѣтъ, сказалъ дьяволъ, я не хвастаю. Я такъ силенъ, что противъ меня не могутъ бороться не только земные цари, но и сама природа. Хочешь, — изъ тихой погоды я сдѣлаю сейчасъ бурю?

— А ну!

Дьяволъ свистнулъ, и по пустынѣ заходилъ песчаный ураганъ. Зги не видать. Вѣтеръ воетъ, крутитъ тяжелые смерчи, небо стало мѣдное и слилось съ землею. Христофору это показалось было сперва любопытно, да вспомнилъ онъ, что въ степи не одни они съ дьяволомъ, а и караваны ходятъ, и кочевья раскинуты, и пожалѣлъ людей.

— Довольно! — запросилъ онъ, — а то много народа перепортишь. Вѣрю теперь, что ты всѣхъ сильнѣ. Но зачѣмъ ты такой скверный?

— Чѣмъ я скверный?

— Морда у тебя черная... рога, хвостъ, копыта... нехорошо!

— Ты ничего не понимаешь, а мнѣ безъ того нельзя. Можетъ быть, въ томъ-то и вся моя сила.

Очень не нравился Христофору дьяволъ, однако — ..не давши слово, крѣпись, а давши слово, держись": пошелъ служить къ тому, кто всѣхъ сильнѣ на свѣтѣ.

Ведутъ они съ дьяволомъ компанію и оба другъ другомъ недовольны. Дьяволъ злится, что, — какую мерзость людямъ ни прикажетъ онъ сдѣлать. — Христофоръ, по жалостливости и по добротѣ своей, непремѣн-

но испортитъ его затѣю. А Христофоръ попрекаетъ дьявола:

— Такой ты могучій, а ничего не хочешь дѣлать для другихъ, кромѣ самага вреднаго!

— Дуракъ — озлобится дьяволь, — въ томъ-то и есть сила, чтобы имѣть власть на всякое зло, какое задумалъ.

— Врядъ ли такъ: — споритъ Христофоръ. — потому что я чувствую по себѣ: будь я сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ, ни за что бы никому не дѣлалъ зла, а всѣмъ одно добро.

Скитались они, скитались, — пришли въ страну христіанскую. Хлынулъ дождь — страшный ливень. А при дорогѣ — пещера, въ пещерѣ — часовня, въ часовнѣ — алтарь, на алтарѣ — крестъ. Христофоръ вошелъ въ пещеру и зоветъ нечистаго:

— Ступай сюда. Здѣсь сухо. Дьяволь мнется.

— Нѣтъ... зачѣмъ-же? Я ужь лучше тутъ пережду.

— Гдѣ тамъ лучше, когда подъ дождемъ? ... Право, иди.

А дьявола уже здорово промочило. И остановить дождя онъ не властенъ, потому что — страна христіанская. А Христофоръ все уговариваетъ его: иди, да иди въ часовню; что мокнуть на дождѣ? Долго отнѣкивался нечистый — наконецъ проговорился.

— Я бы и радъ войти, но вонь этотъ крестъ меня не пускаетъ.

Христофоръ изумился.

— Какъ же такъ? Стало быть, онъ сильнѣе тебя?

— Не то, что сильнѣе, а... непріятень онъ мнѣ... тамъ, гдѣ онъ, я дышать не могу.

— Вотъ оно что; — сказала Христофоръ. Таковъ-то ты, братъ? Теперъ я тебя раскусилъ: ты обманщикъ не хуже индѣйскаго царя... Не хочу больше тебѣ служить! Пошелъ прочь, пока не обломалъ тебѣ роги!

Остался Христофоръ одинъ въ пещерѣ. Въ скорости заходить въ часовню нищій и — тоже укрыться отъ дождя. Разговорились. Христофоръ разсказаль нищему, какъ дьяволь струсиль креста.

— Мудренаго нѣту, — возразиль нищій. Нечистая сила всегда бѣгаетъ отъ Распятія.

— Почему?

— Потому что на немъ изображенъ Иисусъ Христосъ, побѣдитель всякаго зла. Отъ Него- все добро въ мѣрѣ.

— Вотъ это хорошо! Это по мнѣ! радостно воскликнулъ Христофоръ. Такого-то господина я и ищу для себя. Я хочу служить Христу — и никому больше. Укажи мнѣ, гдѣ Онъ живетъ: я пойду къ Нему.

— Ну, любезный, добраться до Него не легко: Онъ живетъ на небѣ.

— Я пойду на небо, сказаль Христофоръ и зашагалъ на западъ — туда, гдѣ заходящее солнце пряталось за горизонтъ.

— Только бы добраться мнѣ до этой черты, а ужъ оттуда до неба рукою подать.

Но онъ шель день за днемъ, недѣлю за недѣлю, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и не могъ достигнуть завѣтной черты. Напротивъ, она все уходила отъ него какъ будто дальше и дальше. Но Христофоръ былъ терпѣливъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ освободился изъ-подъ злого влїянїя дьявола, и владѣло имъ только его простое и кроткое сердце, Христофоръ желаль одного добра и самъ не замѣчалъ, какъ сѣяль благо на своемъ пути, проходя царство за царствомъ, городъ за городомъ. Онъ уничтожалъ разбойниковъ, великановъ, драконовъ, которыми тогда кишѣла земля. Въ Ломбардіи было озеро, распространявшее по окрестностямъ злую маларію. Христофоръ столкнуль въ озеро ближнюю гору, озеро изсякло, болѣзнь прекратилась. Въ Испаніи богатырь зашвырнулъ въ море девятиголоваго змѣя, сто лѣтъ опустошавшаго округъ Кадикса. Благодарный народъ